

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО. ЗАРУБЕЖНОЕ ПРАВО

INTERNATIONAL LAW. FOREIGN LAW

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-2-289-309>

EDN: DFOSTY

Научная статья / Research Article

Международно-правовой режим: теоретические основы и современная структура в условиях глобализации

А.Х. Абашидзе¹, В.С. Маличенко²

¹Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

²Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве
Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

 aslan.abashidze@gmail.com

Аннотация. Эволюция механизмов международно-правового регулирования различных сфер общественных отношений и расширение круга субъектов, участвующих в формировании международной повестки, обусловили тенденцию к обособлению новых отраслей межгосударственного сотрудничества. Данная тенденция закономерно поставила перед доктриной задачу концептуализации данных автономных сфер, что привело к активному внедрению в научный оборот категории «международно-правовой режим». Констатируя востребованность данного понятия, следует отметить отсутствие в российской науке международного права фундаментального труда, посвященного системному анализу его сущности и пределов применения. В работе рассматриваются понятие и сущность международно-правового режима как важного элемента современной системы международного права. Авторы анализируют эволюцию теоретических подходов к определению режима в науках международных отношений, международного права и теории права. Основное внимание уделяется специфике формирования и функционирования международно-правовых режимов в контексте современных глобальных тенденций: глобализации и фрагментации международных отношений. Использован комплекс методов, позволяющий всесторонне изучить феномен международно-правового режима: от исторического генезиса и теоретического осмысления до анализа конкретных примеров и системного моделирования. В частности, историко-правовой метод используется для анализа эволюции категории международно-правовых режимов, их становления в контексте глобализации и фрагментации международного права. Авторы отмечают, что появление специализированных, функционально автономных режимов (в области охраны окружающей среды, международной торговли, прав человека и др.) является ответом на усложнение предмета правового регулирования и необходимость специализированных

© Абашидзе А.Х., Маличенко В.С., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

механизмов для решения транснациональных угроз и вызовов. Сравнительно-правовой метод применялся для сопоставления подходов к определению «режима» в различных научных дисциплинах в рамках отечественной и зарубежной доктрины. Формально-юридический метод позволил сформулировать определения категории «международно-правовой режим», представить их классификацию, определить структурные компоненты.

Ключевые слова: автономный режим, международные отношения, отрасль права, фрагментация права, комплексный режим

Вклад авторов: Абашидзе А.Х. – научное руководство, теоретическое обоснование исследования, утверждение окончательного варианта статьи; Маличенко В.С. – разработка концепции, научный анализ материалов, обобщение полученных результатов. Оба автора ознакомились с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Заявление о доступности данных. Все данные, полученные в ходе этого исследования, включены в опубликованную статью.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 26 января 2026 г.

Принята к печати: 15 апреля 2026 г.

Для цитирования:

Абашидзе А.Х., Маличенко В.С. Международно-правовой режим: теоретические основы и современная структура в условиях глобализации // RUDN Journal of Law. 2026. Т. 30. № 2. С. 289–309. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-2-289-309> EDN: DFOSTY

International Legal Regime: Theoretical Foundations and Contemporary Structure in the Context of Globalization

Aslan Kh. Abashidze¹, Vladislav S. Malichenko²

¹RUDN University, Moscow, Russian Federation

²Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

aslan.abashidze@gmail.com

Abstract. The progressive development of international legal regulation mechanisms across diverse domains of public relations, coupled with the expanding participation of non-state actors in shaping the international agenda, has fostered the emergence of distinct branches of interstate cooperation. This evolution presents a doctrinal challenge in conceptualizing these autonomous spheres, leading to the widespread scholarly adoption of the term “international legal regime”. Despite its utility, Russian international legal doctrine lacks a comprehensive study systematically examining the substantive nature and scope of application of this concept. The article examines the concept and essence of the international legal regime as a key element of the contemporary international legal system. It traces the evolution of theoretical approaches to defining “regime” in international relations, international law, and legal theory, with primary focus on the formation and functioning of international legal regimes amid globalization and fragmentation of international law. The analysis employs a multifaceted methodological framework, encompassing historical genesis, theoretical conceptualization, case studies, and systemic modeling. The historical-legal method traces the evolution of international legal regimes in the context of globalization and fragmentation. The study posits that specialized, functionally autonomous regimes – in domains such as environmental protection, international trade, human rights – emerge as responses to the growing complexity of regulated subject matter and the imperative for tailored mechanisms to address transnational challenges. Comparative legal analysis juxtaposes definitional approaches across domestic

and foreign doctrines, while formal juridical methods yield precise definitions, classifications, and structural components of international legal regimes.

Key words: autonomous regime, international relations, branch of law, fragmentation of law, complex regime

Authors' contribution: Abashidze A.Kh. – scientific supervision, theoretical foundation, final approval; Malichenko V.S. – conceptual development, material analysis, results synthesis. Both authors reviewed and approved the final manuscript.

Data Availability Statement. All data generated during this study are included in the published article.

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Received: 26th January 2026

Accepted: 15th April 2026

For citation:

Abashidze, A.Kh., Malichenko, V.S. (2026) International Legal Regime: Theoretical Foundations and Contemporary Structure in the Context of Globalization. *RUDN Journal of Law*. 30 (2), 289–309. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-2-289-309> EDN: DFOSTY

Введение

Начиная с 70-х гг. прошлого столетия под влиянием процессов глобализации и возникновения новых направлений международного сотрудничества происходит постепенное изменение институционального взаимодействия и формирование новых подходов к регулированию общественных отношений на международном уровне.

В середине 80-х гг. по инициативе ГА ООН сформировалась концепция «всеобъемлющей системы международного мира и безопасности», охватывающая невоенные угрозы благосостоянию государств и человека¹. Масштаб вызовов человечеству в лице экологических угроз, инфекционных пандемий, торговых войн и др. постепенно трансформировали систему международного сотрудничества. Восприятие «суверенитета государств» меняется, так как глобализация процессов ограничивает возможность государств самостоятельно формировать адекватные меры противодействия. Постепенно происходит усиление положения глобальных инициатив международных неправительственных организаций и государственно-частных партнерств. Под влиянием увеличения числа различных институциональных объединений, традиционно не определявшихся в качестве участников международных отношений, в научной литературе все большее внимание стало уделяться концептуальному осмыслению представлений об использовании международного права для координации их деятельности.

Формирование новых направлений международного сотрудничества и тенденция к их обособлению под влиянием формирования международных правовых механизмов и деятельности различных субъектов международных отношений укрепили стремление ученых-правоведов обозначить отдельные сферы межгосударственного сотрудничества, регулируемые международным правом, в качестве «международно-правового режима». Вместе с тем в отечественной науке международного права

¹ Establishment of a comprehensive system of international peace and security: resolution / adopted by the General Assembly. 1986. A/RES/41/92. URL: <https://documents.un.org/doc/resolution/gen/nr0/496/00/img/nr049600.pdf?token=ITtg5dZs4jSTQ9uSWt&fe=true> (дата обращения: 25.12.2025).

отсутствует фундаментальный труд, всесторонне разъясняющий суть «международно-правового режима».

На современном этапе развития правоведения оформилась концептуальная триада, отражающая различные уровни регуляторного порядка: «режим», «правовой режим» и «международный режим». В авторитетном юридическом словаре Блэка предлагаются следующие дефиниции данных категорий². «Режим» трактуется в наиболее широком смысле как система правил, регламентов или форма управления. «Правовой режим» определяется как совокупность правил, политик и поведенческих норм, охватывающих конкретную правовую проблематику и способствующих выработке договоренностей для ее разрешения в рамках национального правопорядка. «Международный режим» характеризуется как комплекс норм поведения, правил или политик, регулирующих вопросы международного характера и содействующих формированию соглашений между государствами.

Определение режима в науке международных отношений

Усиление динамики международного взаимодействия и возникновение качественно новых механизмов координации взаимодействия между суверенными государствами и международными организациями обусловили теоретическое осмысление феномена «международного режима» в доктрине начала 1980-х гг.

Среди пионеров данного направления следует выделить Дж. Рагги, интерпретировавшего режим, как комплекс согласованных ожиданий участников, нормативных предписаний, регуляторных механизмов, программных установок, ресурсов и финансовых обязательств, добровольно принимаемых государствами-участниками (Ruggie, 1975). Определяющее значение для становления теоретических основ концепции режима имеют исследования С. Краснера, квалифицировавшего международный режим как совокупность принципов, нормативных установок, правил и процедурных механизмов принятия решений, определяющих ожидания участников международно-правовых отношений в конкретной предметной области. Несмотря на то, что сформулированное С. Краснером определение послужило концептуальной основой для целого поколения исследований, оно не избежало серьезной критики в академическом сообществе. Основной вектор критики, развитый в том числе в работах О. Янга, был направлен на методологическую расплывчатость и ограниченную применимость данного подхода. Ключевым аргументом стало отсутствие в определении четких и верифицируемых критериев, позволяющих эмпирически идентифицировать международный режим в конкретных сферах общественных отношений и отграничить от других форм международного сотрудничества или просто совпадающих интересов государств. Таким образом, концепция, призванная объяснять практику, испытывала значительные сложности с применением на практике (Young, 1986).

В дальнейшем на доктринальном уровне последовательно формировалась позиция о взаимосвязи научных направлений международных отношений и международного права в вопросе осмысления содержания категории международного режима. Отдельного внимания заслуживает работа К. Эббота, который констатировал существующий «разрыв» между двумя научными дисциплинами и утверждал, что развитие теории режимов и смежных подходов к международному сотрудничеству

² Garner B.A. Black's Law Dictionary. 12th ed. St. Paul, MN : Thomson Reuters, 2024.

открывает «давно ожидаемую возможность» для их интеграции (Abbott, 1989). Вклад Р. Кеохейна в развитие теории международных режимов характеризуется последовательным смещением акцента в сторону формально-правового измерения. В его трудах международный режим рассматривается сквозь призму функционального значения международных договоров в системе регулирования межгосударственных отношений. Под международно-правовым режимом автор понимает институт регулирования определенных вопросов международных отношений в рамках правил, сформулированных правительствами в международных соглашениях (Keohane, 1989). В более ранней работе автора было предложено широкое определение режима как «набора регулирующих механизмов», интегрирующего свод правил, норм и процедур, функция которых заключается в регламентации поведения субъектов международных отношений и контроле за последствиями их действий.

В продолжение идеи О. Янга, Дж. Бейлис и С. Смит концептуализируют международные режимы как социальные институты, базирующиеся на согласованных правилах, нормах, принципах и процедурах принятия решений, обеспечивающие взаимодействие различных государственных и негосударственных субъектов в проблемных сферах, таких как окружающая среда или права человека (Baylis, Smith & Owens, 2008).

В отечественной юридической науке категория международного режима подверглась самостоятельному теоретическому осмыслению. Так, П.А. Цыганков, анализируя генезис данной концепции, отмечает, что ее активное оформление в 1980-е гг. не было прямым следствием развития международного права, а стало ответом на потребность в теоретическом осмыслении новых форм отраслевого регулирования³. В качестве иллюстрации он приводит такие прикладные сферы, как режимы международной торговли, нераспространения оружия массового поражения и морского судоходства, подчеркивая тем самым их отраслевую (функциональную) природу, возникающую поверх традиционных политико-правовых структур. В исследовании П.А. Цыганкова также отмечается, что современная система международных отношений не ограничивает участие различных субъектов, не являющихся формальными организациями в регулировании международных процессов.

В работе А.В. Торкунова подчеркивается, что главное предназначение международных режимов заключается в институциональном упорядочивании межгосударственных отношений. Их формирование рассматривается как рациональный ответ на международные вызовы, позволяющий минимизировать риски недопонимания и конфликтов через выработку общепризнанных правил игры⁴.

В качестве основной характеристики понятия «международный режим» В.Е. Петровский приводит совокупность четко выраженных либо предполагаемых законов, принципов, норм и правил, ориентированных на реализацию общей для участников режима парадигмы в соответствующей сфере двустороннего или многостороннего межгосударственного сотрудничества (Petrovsky, 1998).

Э.Я. Баталов квалифицирует международные режимы как относительно устойчивые модели практик субъектов международных отношений, регламентируемых нормами международного права и иными конвенциональными правилами, детерми-

³ Цыганков П.А. Теория международных отношений : учеб. пособие. М. : Гардарики, 2003. 590 с.

⁴ Торкунов А.В. Современные международные отношения : учебник. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. 584 с.

нирующими согласованный и стабильный характер совместной деятельности участников в конкретной сфере международного общения (Batalov, 2016). Присоединяясь к международному режиму, государства тем самым выражают готовность подчинить индивидуальную деятельность, направляемую национальным интересом, совместной деятельности на обеспечение общего интереса и регулируемой принципами и нормами. Расширение взаимосвязей между субъектами международных отношений и увеличение внешних вызовов, требующих согласования и объединения усилий для их решения, формирует основу постоянного возникновения новых и корректировки существующих международных режимов.

Обобщая проведенный анализ следует констатировать, что категория «международный режим» сформировалась в доктрине международных отношений в 1980-х гг. в ответ на усложнение системы межгосударственного взаимодействия и не являлась изначально правовой конструкцией. Переход от теории международных отношений к правовому осмыслению режимов происходил постепенно через признание значения договорных механизмов и институциональных особенностей международного сотрудничества. Отечественная доктрина акцентировала внимание на нормативно-поведенческой природе режимов, что сблизило понятие «международного режима» с концепцией правового порядка.

Понятие правового режима в теории права

Проведенный анализ категории международного режима позволяет перейти к рассмотрению категории правового режима в ее классическом понимании, которое сформировалось в общей теории права. В отечественной правовой доктрине под правовым режимом понимают специфику юридического регулирования отдельной сферы общественных отношений, достигаемую посредством целенаправленного сочетания и применения различных правовых средств, методов, механизмов и гарантий.

Согласно данной теоретической конструкции, правовой режим отражает диалектическую взаимосвязь правовой формы и социального содержания регулируемых отношений. Он служит механизмом, через который законодатель, учитывая качественное своеобразие той или иной сферы (экономической, экологической, социальной), придает правовому воздействию необходимую направленность и интенсивность. Таким образом, правовой режим демонстрирует глубокое социально-функциональное значение права, позволяя решать конкретные управленческие и охранительные задачи в прямой и неразрывной связи с природой регулируемых общественных отношений, что отличает его от более широкой концепции международного режима.

Ключевую роль в формировании общепризнанной доктринальной конструкции правового режима сыграли работы выдающегося ученого-правоведа С.С. Алексеева. В его трактовке правовой режим представляет особый порядок правового регулирования, который находит свое выражение в специфическом, целостном комплексе юридических средств. Этот комплекс характеризуется уникальным, сбалансированным сочетанием взаимодействующих правовых дозволений, запретов и предписаний, что в совокупности и создает особую модальность правового воздействия⁵.

⁵ Алексеев С.С. Общая теория права : курс в двух томах. М. : Юридическая литература, 1981. Т. I. С. 294–295.

Раскрывая данное определение, автор подчеркивает, что правовой режим является не просто совокупностью норм, а целостной системой регуляторного воздействия⁶. Его системность проявляется в нескольких взаимосвязанных аспектах: особый порядок формирования субъективных прав и юридических обязанностей; специфический характер санкций и мер защиты; наличие единых руководящих принципов, пронизывающих соответствующую совокупность правовых норм и придающих ей внутреннее единство и логику.

Дальнейшее развитие теоретической дискуссии о правовых режимах, акцентирующее их прикладное измерение, представлено в работах В.Ю. Панченко и И.В. Пикулевой (Panchenko & Pikuleva, 2015). Авторы формулируют теоретический подход, в основе которого лежит анализ правоприменительной деятельности. В соответствии с предложенной ими интерпретацией, правовой режим надлежит рассматривать как отражение реального состояния правового регулирования, выраженного в системе юридических средств и методов, обеспечивающих достижение нормативно установленных целей воздействия на общественные отношения. Для раскрытия системной роли правового режима авторы обращаются к категориальному аппарату смежных социальных наук, проводя методологическую параллель с понятием политического режима. Правовой режим определяется ими как особая юридическая конструкция, которая формируется над совокупностью действующих правовых институтов и устанавливает специфический порядок их взаимодействия и применения в соответствующей сфере общественных отношений.

Фундаментальной основой для понимания правового режима в национальном правопорядке служит отраслевая структура права. Отрасль права является базовым структурным элементом системы, объединяющим нормы, регулирующие качественно однородный и обособленный вид общественных отношений, чье специфическое экономическое и социально-политическое содержание объективно требует целостного и специализированного нормативно-правового воздействия. Поскольку различные сферы общественной жизни обладают внутренним своеобразием, они нуждаются в различном сочетании способов, методов и типов правового регулирования. Именно предмет правового регулирования, качественно особый вид общественных отношений, выступает первичным, объективным критерием для выделения отрасли. В свою очередь, каждая сформированная отрасль создает нормативную основу для выработки специфических правовых режимов, которые детализируют регулирование отдельных групп вопросов или институтов в рамках отрасли. Таким образом, как вся правовая система в целом, так и каждая отрасль в отдельности характеризуются присущим только им комплексом правовых режимов.

Отраслевой правовой режим обладает свойством замкнутости (автономности): составляющие его нормы, принципы и методы предназначены для регулирования внутриотраслевых отношений и, как правило, не применяются к отношениям, выходящим за ее предметные рамки. Формирование режима обеспечивается двумя взаимосвязанными компонентами. Специальный метод правового регулирования, под которым понимается совокупность характерных приемов юридического воздействия (дозволения, запрета, обязывания), их специфическое сочетание и иерархия, определяющие используемый в данной отрасли комплекс юридических механизмов. Собственные отраслевые принципы и общие положения, которые задают ценност-

⁶ Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М. : Юридическая литература, 1989. 287 с.; Алексеев С.С. Теория права. М. : Изд-во БЕК, 1995. 320 с.

ные ориентиры, цели и содержание регулирования, пронизывая всю систему отраслевых норм. Следовательно, правовой режим на отраслевом уровне можно определить как обусловленный предметом и методом отрасли устойчивый порядок регулирования, интегрирующий характерные средства, способы и гарантии для обеспечения специфического правового состояния в регулируемой сфере.

В.М. Корельский и В.Д. Перевалов предлагают двухкомпонентную характеристику правового режима⁷. В первом приближении правовой режим трактуется авторами как специфика нормативно-правового регулирования определенной сферы общественных отношений, достигаемая посредством применения особой совокупности юридических средств и способов воздействия. Во втором, расширенном понимании, акцентирующем регулируемую роль государства, правовой режим определяется как система юридических средств, целенаправленно устанавливаемых и гарантируемых публичной властью в целях упорядочения конкретных общественных отношений путем дифференцированного применения ограничительных и стимулирующих мер в отношении различных видов деятельности субъектов права.

Заслуживает внимания точка зрения А.Ф. Ноздрачева, определяющего правовой режим как «совокупность различного рода правил поведения субъектов общественных отношений, организационных мероприятий, гарантий их реализации, установленных для достижения поставленных целей» (Nozdrachev, 2017).

Значительный вклад в теоретическое осмысление категории правового режима вносят исследования А.В. Малько. В рамках методологии, предложенной А.В. Малько и И.С. Барзиловой, правовой режим определяется как специализированный регуляторный механизм, выполняющий функцию нормативного структурирования как единичных социальных ситуаций, так и масштабных общественных процессов, определяющих характер взаимодействия субъектов и объектов в правовом поле (Barzilova, 2012). В качестве системообразующего признака правового режима авторы обозначают целевую регламентацию конкретного сегмента общественных отношений посредством системы правовых норм, призванной обеспечить баланс и удовлетворение интересов как индивидуальных субъектов, так и их коллективных образований. Особую научную ценность представляет предложенная авторами развернутая типология правовых режимов, основанная на различных критериях: по предмету правового регулирования (отраслевая принадлежность); по содержанию и вектору воздействия; по субъекту, на который направлено регулирование; по территориальной или институциональной сфере применения.

В последующих работах А.В. Малько в соавторстве с Н.И. Матузовым акцент смещается с описания направленности регулирования на оценочную характеристику его условий для субъектов права (Matuzov & Malko, 1996). В рамках системного подхода А.В. Малько и О.В. Родионовым предложена комплексная характеристика правового режима через совокупность сущностных признаков, которая служит своеобразным доктринальным эталоном для идентификации данного явления (Malko & Rodionov, 2001). Согласно их позиции, правовой режим обладает следующими основными чертами. Режимы формируются в рамках конкретных отраслей права (гражданско-правовой, административно-правовой и др.), что обуславливает их связь с отраслевым методом и предметом регулирования. Правовые режимы устанавливаются нормативными правовыми актами и гарантируются силой государственного принуждения, что подчеркивает их публично-правовую природу

⁷ Теория государства и права: учебник для вузов / ред. В.М. Корельский, В.Д. Перевалов. М. : НОРМА, 2000. 616 с.

и императивность. Каждый режим предназначен для регулирования строго определенного круга общественных отношений между конкретными субъектами права. Режим представляет собой целостную комбинацию приемов, средств, способов и методов правового регулирования (дозволений, запретов, обязываний). Ключевой качественной характеристикой этой комбинации является определенный уровень благоприятствования или ограничения, который создается для удовлетворения интересов субъектов и их объединений. Данный признак непосредственно связывает технико-юридическое содержание режима с его социальным назначением и результативностью.

В определении, предложенном С.Н. Братуновским, правовой режим рассматривается как целенаправленный порядок регулирования, представляющий системную совокупность правовых средств, выстроенных для достижения оптимального с точки зрения триады «личность, общество, государство» режима реализации субъектами своих законных интересов. В данном контексте «оптимальность» подразумевает не только эффективность, но и сбалансированность, справедливость и социальную приемлемость правового регулирования.

Особый вклад в упорядочивание терминологического аппарата вносит исследование Третьякова А.В., предлагающее трехуровневую систематизацию употребления термина «режим» в юридической науке и практике (Tretyakov, 2020): 1) «правовой режим» как общетеоретическую категорию, отражающую специфику регулирования; 2) «отраслевые правовые режимы», которые определяют методологическое своеобразие целых отраслей права (гражданско-правовой, административно-правовой, уголовно-правовой режимы); 3) «специальные правовые режимы объектов или видов деятельности», детально регламентирующие статус отдельных феноменов (например, режим банковской тайны, государственной тайны, таможенной процедуры). Данная классификация позволяет перейти от абстрактно-теоретического осмысления к анализу конкретных нормативных конструкций, действующих в правовой системе.

Примечательно, что понятие «правовой режим» лишено дефиниции в основополагающих источниках российского права, оно не раскрывается ни в Конституции РФ, ни в федеральных законах. Вместе с тем законодатель широко использует данную конструкцию, формируя предписания об особых правовых режимах, направленных на регулирование критически важных или социально значимых сфер. К их числу относятся режимы в области охраны окружающей среды⁸, использования атомной энергии⁹, обеспечения общественной безопасности при чрезвычайных ситуациях, противодействия терроризму¹⁰, осуществления космической деятельности и иные аналогичные области. Это указывает на то, что правовой режим функционирует в первую очередь как практический регуляторный механизм, содержание и параметры которого устанавливаются ситуативно, исходя из специфики регулируемых отношений и стоящих перед государством задач, а не из абстрактного теоретического определения.

⁸ Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 29.07.2018) «Об охране окружающей среды» // Собрание законодательства Российской Федерации № 2 от 14 января 2002 г., ст. 133.

⁹ Федеральный закон от 21.11.1995 № 170-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «Об использовании атомной энергии» // Собрание законодательства Российской Федерации № 48 от 27 ноября 1995 г., ст. 4552.

¹⁰ Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 18.04.2018) «О противодействии терроризму» // Собрание законодательства Российской Федерации № 11 от 13 марта 2006 г., ст. 1146.

Проведенный анализ категории «правовой режим» в общей теории права позволяет констатировать, что она является фундаментальной и многогранной доктринальной конструкцией, отражающей социальную сущность права. Основное предназначение правового режима заключается в обеспечении целенаправленного, специализированного и эффективного регулирования качественно обособленных сфер общественных отношений. Это достигается не простым суммированием норм, а путем формирования целостного регуляторного порядка, основанного на сбалансированном и уникальном сочетании правовых средств, методов, дозволений, запретов и обязываний.

Отраслевая структура права выступает естественной основой для формирования правовых режимов. Сравнительный анализ доктринальных подходов демонстрирует консенсус относительно ключевых признаков правового режима: предметная определенность, отраслевая обусловленность, нормативно-государственная природа и специфический вектор воздействия. Предмет и метод правового регулирования, лежащие в основе деления на отрасли, предопределяют характер отраслевых режимов, обладающих свойством автономности. В свою очередь, внутри отраслей формируются специальные режимы для регулирования более узких институтов или видов деятельности, что демонстрирует иерархичность и гибкость данной категории. Таким образом, категория «правовой режим» представляет собой связующее звено между общей теорией права и отраслевой юридической практикой, позволяющее перейти от абстрактных норм к целенаправленному, системному и социально ориентированному регулированию, что подтверждает неоспоримую теоретическую и практическую значимость для национального правопорядка.

Определение режима в науке международного права

Международно-правовой режим является неотъемлемым элементом международного публичного права как самостоятельной правовой системы. В отечественной доктрине под системой международного права традиционно понимается комплекс взаимосвязанных юридических норм и принципов, которые регулируют международные отношения и выражают согласованную волю государств, как основных субъектов международного правотворчества. Воля объективно обусловлена закономерностями развития межгосударственного взаимодействия на конкретном историческом этапе. В результате подобного подхода к регулированию международные отношения приобретают качественно новое свойство, они становятся международно-правовыми отношениями, то есть урегулированными нормами международного права, порождающими взаимные права и обязанности для их участников.

Проблема генезиса и трансформации международно-правовых режимов в условиях параллельного действия двух ключевых тенденций современности, глобализации и фрагментации международных отношений, занимает центральное место в современных научных исследованиях. Этот процесс характеризуется одновременным усилением взаимозависимости, требующей универсальных регуляторных подходов, и ростом специализации, ведущей к созданию автономных нормативных подсистем.

Исторические предпосылки были обозначены еще в середине XX в. Так, У. Дженкс в 1953 г. обратил внимание на то, что развитие международного права изначально носило сегментированный, децентрализованный характер. Создание договоров происходило внутри относительно изолированных «групп» (профессиональных, функциональных, региональных) при отсутствии единого централизован-

ного института, способного обеспечивать универсальный, скоординированный нормотворческий процесс. Эта исторически сложившаяся структурная разрозненность заложила основу для последующей фрагментации международного правопорядка (Jenks, 1953).

В современных условиях указанное противоречие приобрело новое измерение. С одной стороны, глобализация стимулирует формирование универсальных и всеобъемлющих режимов, призванных решать транснациональные проблемы (климат, торговля, безопасность). С другой стороны, объективная фрагментация международных отношений и усложнение предмета регулирования ведут к появлению множества автономных, специализированных, а порой и конкурирующих правовых режимов, создаваемых различными субъектами в конкретных областях.

Возникновение новых правовых комплексов и международно-правовых режимов является не случайным, а функционально обусловленным процессом. Они формируются в ответ на объективную потребность отклониться от универсальных, но зачастую недостаточно специализированных механизмов регулирования, предлагаемых общими отраслями права. Появление таких режимов отражает стремление международного сообщества выработать адресные, высокоспециализированные механизмы для решения новых, комплексных вызовов, которые не могут быть эффективно урегулированы в рамках традиционных правовых парадигм¹¹. Так, например, формирование международно-правового режима охраны окружающей среды было детерминировано растущей глобальной озабоченностью антропогенным воздействием на экосистемы и его последствиями для благосостояния человечества. Традиционное международное право, построенное вокруг принципов суверенитета и невмешательства, оказалось неспособным адекватно реагировать на трансграничный характер экологических угроз (изменение климата, загрязнение мирового океана), что потребовало создания новой, самостоятельной регуляторной системы, основанной на принципах предосторожности, устойчивого развития и общей, но дифференцированной ответственности. Развитие международно-правового режима регулирования торговых процессов представляет закономерный результат интенсификации трансграничной экономической деятельности и возникшей вследствие этого объективной потребности в создании унифицированных правовых подходов. Ключевой особенностью становления режима стала задача согласования разнонаправленных интересов государств, обладающих различным уровнем экономического развития и политического влияния.

Начиная с 1980-х гг., теоретические аспекты формирования и функционирования международно-правовых режимов стали предметом систематического рассмотрения в ежегодных докладах Комиссии международного права (КМП) ООН. Подобное внимание придало изучению режимов официальный, доктринальный статус в рамках процессов кодификации и прогрессивного развития международного права. Значительный вклад в формирование концептуального аппарата внес специальный докладчик КМП В. Рипфаген. Его подход основывался на понимании международного права как совокупности взаимосвязанных «подсистем». Система международного права в целом представляет собой упорядоченный набор первичных и вторичных правил поведения и процедур, образующих замкнутым правовым контуром. Подсистема (специальный режим) обладает аналогичными системными признаками

¹¹ *Koskeniemi M.* Fragmentation of International Law: Difficulties Arising from the Diversification and Expansion of International Law. Report of the Study Group of the International Law Commission. 2006. UN Doc. A/CN.4/L.682. 256 p.

(собственные правила, процедуры), но характеризуется меньшей степенью замкнутости и тесной взаимосвязью с другими подсистемами. Для обозначения подсистем В. Рипхаген использовал термины «специальные режимы», «объективные режимы», «императивные подсистемы», подчеркивая их функциональную обособленность и нормативную силу¹². Эволюция данной концепции в дальнейших докладах КМП и научной литературе привела к закреплению термина «автономный режим». Под автономным режимом понимается комплекс норм и институтов в определенной сфере, который обладает значительной степенью собственной нормативной и процедурной логики, развивается относительно независимо и обладает своими особыми механизмами имплементации и контроля. В числе примеров таких режимов КМП указывает режимы в области охраны окружающей среды, защиты прав человека и международной торговли.

Признание фрагментации в качестве одной из основных системных тенденций развития современного международного права побудило КМП ООН в 2002 г. учредить специальную Исследовательскую группу по фрагментации международного права. Итогом работы стал основополагающий доклад «Фрагментация международного права: трудности, обусловленные диверсификацией и расширением сферы охвата международного права»¹³. В докладе был сформулирован ключевой парадокс глобализации: процесс растущей унификации и взаимозависимости мировых экономических, социальных и технологических процессов закономерно порождает не единый правопорядок, а, напротив, растущую фрагментацию регулирования отдельных сфер международных отношений. Данный процесс является следствием необходимости создания все более специализированных, технически сложных и адресных нормативных комплексов (режимов) для управления такими процессами, как международная торговля, защита прав человека, охрана окружающей среды, киберпространство.

Однако в ответ на эту тенденцию, председатель Исследовательской группы, профессор Б. Симма, выдвинул принципиально важную доктринальную оговорку (Simm, 2004). Он подчеркнул, что не существует таких понятий, как полностью «автономные режимы» в абсолютном смысле, и что никакой специализированный международно-правовой режим не может быть создан или функционировать вне рамок и системных принципов общего международного права. Эта позиция утверждает, что фрагментация носит относительный и функциональный характер: специализированные режимы, несмотря на свою автономию в процедурных и материальных аспектах, остаются встроенными в единое нормативное поле. Они обязаны соблюдать иерархию норм (в частности, нормы *jus cogens*), руководствоваться общими принципами толкования и системной интеграции, а также разрешать коллизии через механизмы общего международного права.

Категория «международно-правовой режим» является предметом углубленного анализа преимущественно в рамках специализированных научных исследований диссертационного и монографического характера, а также в учебных курсах по меж-

¹² Riphagen W. Third report on the content, forms and degrees of State responsibility : part 2 of the draft articles. New York : UN, 1982. P. 46. Available at: <https://digitallibrary.un.org/record/32468> [Accessed 25th December 2025].

¹³ Koskenniemi M. Study on the function and scope of the *lex specialis* rule and the question of “self-contained regimes” : preliminary report. Geneva : UN, 7 May 2004. P. 44. Available at: <https://digitallibrary.un.org/record/573157?ln=en&v=pdf> [Accessed 25th December 2025].

дународному праву, что свидетельствует о ее фундаментальном значении для понимания отраслевой структуры и функциональной специфики международно-правового регулирования.

Значительная часть зарубежной доктрины подчеркивает первичную роль международного договора как основы формирования правового режима. Этой позиции, в частности, придерживается профессор Э. Ост¹⁴. Аналогичный подход, согласно которому режим определяется прежде всего договорными нормами, находит отражение в трудах таких авторитетных авторов, как Я. Броунли (Brownlie, 1977:359–360) и Р. Колб (Kolb, 2016:124–125).

Более развернутое определение предлагает В. Бредфорд, который понимает под международно-правовым режимом нормативно-институциональный комплекс (Bradford, 2001). Данный комплекс включает в себя, во-первых, свод правовых норм, основанных преимущественно на многосторонних договорных источниках, и, во-вторых, систему международных институтов (организаций, органов, процедур), созданных для администрирования этих норм и регулирования конкретных правоотношений в соответствующей сфере. Формирование международно-правового режима включает три ключевых процесса: разработку обязательного набора правил, предписывающих определенные модели поведения (нормотворчество); создание процедур выявления нарушений установленных правил (правоприменение и контроль); установление механизмов ответственности (санкций) за их нарушение (обеспечение соблюдения).

В фундаментальных работах по международному праву, принадлежащих перу таких авторитетных ученых, как Ф.Ф. Мартенс, И.И. Лукашук, Ю.М. Колосов, вопросы международно-правовых режимов занимают существенное место. Их анализ сосредоточен на сложившихся, исторически укорененных режимах, которые структурируют ключевые сферы межгосударственного взаимодействия. В качестве примеров можно привести детальное рассмотрение: пространственных режимов (правовой режим Арктики и Антарктики, режим морских пространств); режимов безопасности (режим нераспространения ядерного оружия); дипломатических и консульских режимов.

При этом научный дискурс не ограничивается описанием сложившихся конструкций. Он активно обращается к анализу характерных особенностей и динамики формирования режимов в сравнительно новых, развивающихся областях международно-правового регулирования. В фокус исследования попадают такие актуальные сферы, как: многосторонние торговые режимы (в рамках ВТО и региональных торговых соглашений); международно-правовой режим туризма; режим охраны и защиты прав интеллектуальной собственности. Таким образом, изучение международно-правовых режимов охватывает широкий спектр предметных областей, от устоявшихся, «классических» сфер до новых, технологически и социально обусловленных вызовов.

Несмотря на значительный прогресс в изучении функциональной роли и отраслевых проявлений международно-правовых режимов, в научной литературе сохраняется заметный дефицит обобщающих теоретических конструкций. Парадоксальным образом даже в фундаментальных работах, детально анализирующих конкретные режимы (Арктики, морских пространств, нераспространения), практически

¹⁴ Aust A. Handbook of international law. 2nd ed. Cambridge University Press, 2010. P. 63.

отсутствуют попытки сформулировать универсальное определение понятия «международно-правовой режим» или вывести его общесистемные принципы. Категория чаще используется как устоявшийся рабочий термин, а не как объект самостоятельной теоретической рефлексии¹⁵.

Встречающиеся исключения лишь подтверждают общую тенденцию вариативности подходов. Так, И.И. Лукашук утверждает, что международный правовой режим может устанавливаться нормами, принятыми ограниченным кругом государств, однако в силу своего предмета и содержания эти нормы приобретают характер всеобщего значения, выходя за рамки первоначального круга участников¹⁶.

Другое существенное наблюдение представлено в монографии И.П. Блищенко, где автор проводит функциональное разграничение (Blishchenko, 1960). Согласно позиции автора, нормы национального права, как правило, устанавливают общий правовой режим, в то время как международные договоры и создаваемые ими режимы вводят специальный (преференциальный или ограничительный) режим регулирования для конкретных субъектов, объектов или отношений. Данный подход акцентирует дополнительный и детализирующий характер многих международно-правовых режимов по отношению к национальному правопорядку, а также проблему их взаимодействия и соотношения.

Таким образом, отечественная доктрина, продемонстрировав глубокое понимание отдельных международно-правовых режимов, оставила открытым вопрос о разработке интегративной теории международно-правового режима как самостоятельного системного явления, что создает методологический вызов и определяет одно из перспективных направлений для дальнейших исследований.

Значительный вклад в изучение международно-правовых режимов вносят монографические исследования отечественных ученых, посвященных изучению конкретных международно-правовых режимов в различных отраслях международного права¹⁷ (Vylegzhanin, 2001; Travnikov, 2014).

Важное методологическое разграничение понятий «международный режим» и «международно-правовой режим» предложено в диссертационном исследовании Е.А. Сидоровой, посвященном режиму нераспространения ядерного оружия. «Международный режим» охватывает комплекс разнородных регулятивных механизмов, действующих в глобальной межгосударственной системе (Sidorova, 2010). В его состав входят не только правовые, но и политические, технические, организационные и морально-этические нормы и договоренности, включая национальное законодательство. Такой режим понимается как компонент международных отношений, тесно связанный с общей категорией международного сотрудничества, и представ-

¹⁵ Международное право : учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Юриспруденция», «Междунар. отношения», «Мировая экономика» / [Л.Н. Анисимов, К.Г. Борисов, Д.В. Иванов и др.] ; отв. ред. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД РФ. М. : Междунар. отношения, 2001. 713, [2] с. ; Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов : в 2 т. / под ред. и с биогр. очерком В. А. Томсинова. М. : Зерцало, 2008. Т. 1. 332 с.

¹⁶ Лукашук И.И. Международное право. Общая часть : учеб. для студентов юрид. фак. и вузов / И.И. Лукашук ; Рос. акад. наук, Ин-т государства и права, Академ. правовой ун-т. М. : Волтерс Клувер, 2005. 432 с.

¹⁷ Международное космическое право : учебник для вузов / В.С. Вещунов, Г.П. Жуков, Э.Г. Жукова, И.И. Котляров и др. ; отв. ред. Г.П. Жуков, Ю.М. Колосов. М. : Международные отношения, 1999. 360 с.

ляет собой совокупность норм, правил, процедур принятия решений и иных механизмов координации поведения государств. «Международно-правовой режим» сформирован исключительно группой международно-правовых норм (договорных и обычных), которые на основе принципа суверенного равенства регулируют правоотношения между государствами и иными субъектами международного права в определенной сфере. Следовательно, под международно-правовым режимом следует понимать порядок отношений между субъектами международного права, регламентированный формальными международно-правовыми источниками.

В исследовании А.А. Данельяна рассматривается международно-правовой режим иностранных инвестиций, под которым понимается целостная многоуровневая система, интегрирующая в единый регуляторный механизм ряд элементов (Danelyan, 2016). В частности, нормативный уровень представлен международно-правовыми договорами и нормами национального законодательства. Институциональный уровень сформирован международными механизмами разрешения споров, такими как Международный центр по урегулированию инвестиционных споров, и национальными институтами, осуществляющими администрирование, контроль и правовую защиту в сфере инвестиций.

В диссертационном исследовании Д.К. Бекашева, посвященном международно-правовому регулированию рыболовства, формулируются признаки, характерные для международно-правового режима: наличие у режима собственной, целостной правовой базы и специальных принципов регулирования, что соответствует ключевым признакам обособленной структурной единицы в системе права (Bekyashev & Bekyashev, 2020). Основываясь на исследовании автора, можно сформулировать определение международного-правового режима, под которым понимается системная совокупность международно-правовых принципов и норм, целенаправленно регулирующих весь комплекс правоотношений между субъектами международного права (государствами и международными организациями) в определенной сфере общественных отношений.

Анализ доктрины международного права выявляет парадоксальную ситуацию: при широком использовании термина «международно-правовой режим» в качестве устоявшегося рабочего понятия в науке отсутствует консенсусная дефиниция данной категории. Отечественная доктрина, обеспечив глубокую разработку отдельных режимов (морских пространств, нераспространения ядерного оружия, иностранных инвестиций), оставила открытым вопрос об интегративной теории международно-правового режима, что определяет ключевое направление дальнейших научных исследований.

Комплексный международно-правовой режим

Подобная взаимная интеграция международно-правовых режимов определила появление в научной литературе понятия сложного или комплексного режима. Ученые определяют «комплексный режим» как набор частично перекрывающихся и неиерархических институтов, сформированных несколькими международными организациями или международными соглашениями по функциональному или территориальному признаку. Концепция «комплексного режима» была впервые сформулирована в 2004 г. в работе Д. Виктора и К. Ростяла, которые определяли данный феномен, как «массив частично перекрывающихся и неиерархических институтов, управляющих конкретной проблемной областью» (Raustiala & Victor, 2004). Данная концепция получила дальнейшее рассмотрение в работах К. Алтера и С. Мойнира,

обративших внимание на сложность и отсутствие структурированности при взаимодействии различных режимов, регулирующих международные отношения (Alter & Meunier, 2009). В работе также была сформулирована концепция «комплексного режима», представляющего взаимоотношение нескольких режимов международных отношений и международного права, как дополняющих, так и противоречащих друг другу. Исследователи подчеркивают, что концепция «комплексного режима» является предметом междисциплинарного изучения специалистов в области международных отношений и международного права (Alter & Raustiala, 2018). В качестве примеров приводится подробный анализ следующих «комплексных режимов»: правовой режим беженцев, режим биологического разнообразия, территориально-правовой и институциональный комплекс региональных интеграционных режимов Африки.

В исследовании С. Хеннига и Т. Пратта под «комплексным режимом» понимается совокупность международных институтов, действующих в общей проблемной области, а также формальных и неформальных механизмов, которые их координируют (Henning & Pratt, 2023). Под институтами понимаются региональные и международные организации двустороннего и многостороннего характера. Не менее важной характеристикой «комплексного режима» является отсутствие иерархии между институтами и правилами. Различные международные организации и правовые нормы регулируют аналогичные сферы международных отношений, при этом в большинстве случаев невозможно определить основного координатора данного процесса. Определение иерархии международных организаций в контексте международно-правового регулирования не представляется возможным, так как деятельность любого участника «комплексного режима» может быть оспорена в соответствии с правилами и процедурами, установленными международными организациями. Как было справедливо отмечено К. Ростисалоу, на сегодняшний день действует множество соглашений и международных организаций, что делает неизбежным возникновение правовых коллизий и пересечение сфер влияния (Raustiala, 2013).

Постепенно с формированием новых направлений международного сотрудничества и возникновения международно-правовых механизмов, регулирующих данные группы общественных отношений, в научной литературе все чаще стали появляться исследования, посвященные комплексным международно-правовым режимам. Первоначально, основное внимание уделялось развитию международно-правовых режимов, обеспечивающих управление глобальными экологическими процессами. Впоследствии направленность исследований расширилась в вопросах продовольственной безопасности, международной безопасности, торговли (Gomez-Mera, 2017) и интеллектуальной собственности (Muzaka, 2011).

Системный анализ теоретических подходов к пониманию международно-правовых режимов и их эволюции под влиянием современных особенностей развития международных отношений представлен в исследовании Р. Хеннинга и Т. Пратта (Henning & Pratt, 2023). Одним из значимых выводов исследования является констатация того, что иерархические отношения между международно-правовыми институтами в рамках комплексного режима возникают не исключительно на основании явных международно-правовых норм, но и посредством устойчивой практики отсылок одних международных институтов к нормативным правовым актам и документов других с последующим воспроизведением их стандартов в собственных документах. Данный вывод имеет принципиальное значение для доктрины международного права, подтверждая, что иерархия источников и их действия в рамках

режимного комплекса определяется не только формальными критериями, но и содержательными характеристиками международно-правовой практики, складывающейся в процессе межинституционального взаимодействия.

Отдельное внимание получила проблематика международно-правового регулирования применения искусственного интеллекта (ИИ). Исследования Э. Клайн и С. Патрика свидетельствует о том, что в сфере управления ИИ неизбежно складывается комплексный режим (Klein & Patrick, 2024). Данный вывод подтверждает общетеоретический тезис о том, что комплексные режимы возникают не как результат скоординированного нормотворчества, а как закономерная реакция международного сообщества на функциональную сложность и политическую неоднородность регулируемой сферы. Авторы утверждают, что будущий комплексный режим ИИ структурируется не по субъектному, а по функциональному признаку, охватывая четыре ключевые области: формирование научного знания о возможностях и рисках ИИ; разработку общих стандартов и гармонизацию национальных регуляторных подходов; обеспечение широкого доступа к технологиям и справедливому распределению выгод; противодействие угрозам коллективной безопасности. Каждая из указанных функций предполагает собственную институциональную архитектуру с различным субъектным составом от универсальных межправительственных организаций до многосторонних партнерств с участием частного сектора. В совокупности проведенный анализ верифицирует фундаментальный теоретический тезис о функционально обусловленном характере образования режима в международном праве. Режим регулирования ИИ возникает не в результате целенаправленного нормотворческого замысла, а как ответ на объективную потребность международного сообщества в специализированных механизмах управления технологией, трансграничное воздействие которой не поддается адекватному регулированию в рамках традиционных правовых парадигм. Тем самым данный режим подтверждает общую закономерность: усложнение предмета регулирования и появление новых транснациональных угроз неизбежно влекут возникновение функционально автономных, но системно встроенных нормативных комплексов, то есть именно тех явлений, которые в доктрине международного права принято квалифицировать как международно-правовые режимы.

Концепция «комплексного режима» органично дополняет теорию автономных режимов, отражая реальность современного международного права, где одна проблемная область нередко регулируется несколькими конкурирующими или дублирующими друг друга институтами и нормативными системами.

Заключение

На основе проведенного комплексного анализа научных подходов в рамках теории международных отношений, международного права и теории права представляется возможным сформулировать обобщающую дефиницию и структурную модель международно-правового режима. Международно-правовой режим – институционализированный порядок правового регулирования, возникающий в рамках конкретной отрасли международного права и регламентирующий специфические правоотношения между его субъектами посредством системы международно-правовых источников, характеризующийся функциональной автономией и целенаправленным сочетанием регулятивных средств.

Международно-правовой режим характеризуется рядом основополагающих признаков. Во-первых, следует выделить предметно-отраслевую определенность и

функциональную замкнутость. Режим формируется для регулирования четко очерченной сферы общественных отношений в рамках конкретной отрасли международного права (например, морского, экологического, торгового). Нормы режима неприменимы к отношениям, выходящим за установленные предметные рамки, что обеспечивает содержательную целостность. Во-вторых, режим конституируется и развивается на основе формальных источников международного права, прежде всего международных договоров и международного обычая, выражающих согласованную волю государств. В-третьих, режим реализуется через специфическую комбинацию правовых средств, способов и методов регулирования, адаптированных к специфике регулируемой области. В завершении режим характеризуется заданным вектором правового воздействия, уровнем благоприятствования или ограничения для реализации интересов субъектов международного права, что определяет его стимулирующую или ограничительную природу.

Структурно международно-правовой режим формируется из трех взаимосвязанных компонентов. Субстантивный компонент является ядром режима, представляющим систему принципов, норм и правил, предписывающих конкретные модели поведения и устанавливающих права и обязанности субъектов в регулируемой сфере. Институциональный компонент представляет организационно-процедурный механизм, обеспечивающий функционирование режима. Данный компонент включает формальные и неформальные структуры сотрудничества (организации, комитеты, конференции), ответственные за нормотворчество, мониторинг соблюдения, толкование и разрешение споров. Адаптационный компонент фокусируется на ключевых проблемных областях в рамках режима и на механизмах его взаимодействия, координации и возможных коллизий с другими международно-правовыми режимами, обеспечивая эволюцию и встроенность в более широкий нормативный контекст.

Концепция «комплексного режима» органично дополняет теорию автономных режимов, отражая современную реальность, при которой одна проблемная область нередко регулируется несколькими конкурирующими или дублирующими институциональными системами. Это обстоятельство обуславливает необходимость разработки специальных правовых механизмов предотвращения и разрешения нормативных коллизий внутри режимных комплексов.

References / Список литературы

- Abbott, K.W. (1989) Modern International Relations Theory: A Prospectus for International Lawyers. *Yale Journal of International Law*. 14 (2), 335–411.
- Alter, K.J. & Meunier, S. (2009) The politics of international regime complexity. *Perspectives on Politics*. 7 (1), 13–24. <https://doi.org/10.1017/S1537592709090033>
- Alter, K. & Raustiala, K. (2018) The rise of international regime complexity. *Annual Review of Law and Social Science*. 14, 329–349. <https://doi.org/10.1146/annurev-lawsocsci-101317-030830>
- Barzilova, I.S. (ed.) (2012) *Legal Regimes: General Theoretical and Sectoral Aspects*. Moscow, Yurлитинформ Publ. (In Russian). EDN: RESWFN.
- Правовые режимы: общетеоретический и отраслевой аспекты : монография / Агабаласев М.И. и др. ; под ред. И.С. Барзиловой. М. : Юрлитинформ, 2012. 409 с. EDN: RESWFN.
- Batalov, E. (2016) New Institutionalization of World Politics. *International Trends*. 14 (1), 6–25. (In Russian). <https://doi.org/10.17994/IT.2016.14.1.44.1> EDN: VXDCH.

- Баталов Э. Новая институционализация мировой политики // Международные процессы. 2016. Т. 14. № 1. С. 6–25. <https://doi.org/10.17994/IT.2016.14.1.44.1> EDN: VXDCH.
- Baylis, J., Smith, S. & Owens, P. (2008) *The Globalization of World Politics: An Introduction to International Relations*. Oxford, Oxford University Press.
- Bekyashev, K.A. & Bekyashev, D.K. (2020) On the issue of the modern legal regime of fisheries on the high seas. *Fisheries*. (4), 26–32. (In Russian). <https://doi.org/10.37663/0131-6184-2020-4-26-32> EDN: LFAQHX.
- Бекяшев К.А., Бекяшев Д.К. К вопросу о современном правовом режиме рыболовства в открытом море // Рыбное хозяйство. 2020. № 4. С. 26–32. <https://doi.org/10.37663/0131-6184-2020-4-26-32> EDN: LFAQHX.
- Blishchenko, I.P. (1960) *International and Domestic Law*. Moscow, Gosyurizdat Publ. (In Russian). Блещенко И.П. Международное и внутригосударственное право. М. : Госюриздат, 1960. 239 с.
- Bradford, W. (2001) International Legal Regimes and the Incidence of Interstate War in the Twentieth Century: A Cursory Quantitative Assessment of the Associative Relationship. *American University International Law Review*. 16 (3), 667–674.
- Brownlie, Ya. (1977) *International Law (in Two Books)*. Trans: Andrianova, S.N. Book 1. Moscow, Progress Publ. (In Russian). Броунли Я. Международное право : в двух книгах / пер. с англ. С.Н. Андрианова. Кн. 1. М. : Прогресс, 1977. 535 с.
- Danelyan, A.A. (2016) *International regime of foreign investments*. Dissertation of Doctor of Legal Sciences. Moscow, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. (In Russian). EDN: YRUYIX.
- Данельян А.А. Международно-правовой режим иностранных инвестиций: дис. ... д-ра юрид. наук. М. : Дипломат. академия МИД РФ, 2016. 367 с. EDN: YRUYIX.
- Gómez-Mera, L. (2017) The Global Governance of Trafficking in Persons: Toward a Transnational Regime Complex. *Journal of Human Trafficking*. 3 (4), 303–326. <https://doi.org/10.1080/23322705.2016.1278344>
- Jenks, C. (1953) The Conflict of Law-Making Treaties. In: *The British year book of international law*. London, Oxford University Press, pp. 403–453.
- Henning, C.R. & Pratt, T. (2023) Hierarchy and differentiation in international regime complexes: A theoretical framework for comparative research. *Review of International Political Economy*, 30 (6), 2178–2205. <https://doi.org/10.1080/09692290.2023.2259424> EDN: XNWRNW.
- Keohaner, R.O. (1989) Theory of World Politics: Structural Realism and Beyond. In: Keohaner, R.O. (ed.) *International Institutions and State Power: Essays in International Relations Theory*. Boulder, Westview Press, pp. 35–73.
- Kolb, R. (2016) *Theory of International Law*. Portland, Hart Publ.
- Klein, E. & Patrick, S. (2024) *Envisioning a global regime complex to govern artificial intelligence*. Available at: <https://carnegieendowment.org/research/2024/03/envisioning-a-global-regime-complex-to-govern-artificial-intelligence> (accessed: 10th February 2026).
- Malko, A.V. & Rodionov, O.S. (2001) Legal Regimes in Russian Legislation. *Journal of Russian Law*. (9 (57)), 19–26. (In Russian). EDN: VDTGMX.
- Малько А.В., Родионов О.С. Правовые режимы в российском законодательстве // Журнал российского права. 2001. № 9 (57). С. 19–26. EDN: VDTGMX.
- Matuzov, N.I. & Malko, A.V. (1996) Legal Regimes: Issues of Theory and Practice. *News from higher educational institutions. Law studies*. (1 (212)), 16–29. (In Russian). EDN: TPNNRH.
- Матузов Н.И., Малько А.В. Правовые режимы: вопросы теории и практики // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1996. № 1 (212). С. 16–29. EDN: TPNNRH.
- Muzaka, V. (2011) Linkages, Contests and Overlaps in the Global Intellectual Property Rights Regime. *European Journal of International Relations*. 17 (4), 755–776. <https://doi.org/10.1177/1354066110373560>

- Nozdrachev, A.F. (2017) *Administrative-Legal Regimes in Public Administration in the Russian Federation: Theory and Modern Practice*. Moscow, Kontrakt Publ. (In Russian).
Ноздрачев А.Ф. Административно-правовые режимы в государственном управлении в Российской Федерации: теория и современная практика: монография. М. : Контракт, 2017. 528 с.
- Panchenko, V.Y & Pikuleva, I.V. (2015) Realistic understanding of the legal regimes: Establishing the problem. *Actual Problems of Russian Law*. (7 (56)), 15–20. (In Russian). EDN: UJWBJN.
Панченко В.Ю., Пукулева И.В. Реалистическое понимание правовых режимов: к постановке проблемы // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 7 (56). С. 15–20. EDN: UJWBJN.
- Petrovsky, V.E. (1998) *Asian-Pacific Security Regimes after the Cold War: Evolution and Prospects for Russian Participation*. Moscow, Monuments of Historical Thought Publ. (In Russian).
Петровский В.Е. Азиатско-тихоокеанские режимы безопасности после «холодной войны»: эволюция, перспективы российского участия. М. : Памятники исторической мысли, 1998. 264 с.
- Raustiala, K. (2013) Institutional proliferation and the international legal order. In: *Interdisciplinary Perspectives on International Law and International Relations*. New York, Cambridge University Press, pp. 293–320. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139107310.015>
- Raustiala, K. & Victor, D. G. (2004) The regime complex for plant genetic resources. *International Organization*. 58 (2), 277–309.
- Ruggie, J. (1975) International Responses to Technology: Concepts and Trends. *International Organization*. 29 (3), 557–583. <https://doi.org/10.1017/S0020818300031696>
- Sidorova, E.A. (2010) *The international legal regime for the non-proliferation of nuclear weapons and legal issues of its strengthening*. Dissertation of Candidate of Legal Sciences. Moscow, RUDN. (In Russian). EDN: QEUPMR.
Сидорова Е.А. Международно-правовой режим нераспространения ядерного оружия и правовые проблемы его укрепления: дис. ... канд. юрид. наук. М. : РУДН, 2010. 209 с. EDN: QEUPMR.
- Simma, B. (2004) Fragmentation in a positive light. *Michigan Journal of International Law*. 25 (4), 845–847.
- Travnikov, A.I. (2014) *Legal Regime of Airspace. Air Navigation and Safety*. Moscow, Prospekt Publ. (In Russian).
Травников А.И. Правовой режим воздушного пространства. Аэронавигация и безопасность : монография. М. : Проспект, 2014. 220 с.
- Tretyakov, A.V. (2020) *Legal Regimes: Domestic and Alternative Models of Theory*. Moscow, Znanie-M Publ. (In Russian). EDN: CGQQBE.
Третьяков А.В. Правовые режимы: отечественная и альтернативная модели теории : монография. М. : Знание-М, 2020. 359 с. EDN: CGQQBE.
- Vylegzhanin, A.N. (2001) *Marine Natural Resources (International Legal Regime)*. Moscow, Informdinamo Publ. (In Russian).
Вылегжанин А.Н. Морские природные ресурсы (международно-правовой режим). М. : Информдинамио, 2001. 298 с.
- Young, O.R. (1986) International Regimes: Toward a New Theory of Institutions. *World Politics*. 39 (1), 104–122. <https://www.doi.org/10.2307/2010300>

Сведения об авторах:

Абашидзе Аслан Хусейнович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации, директор юридического института, заведующий кафедрой международного права, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
ORCID: 0000-0003-0012-8795; SPIN-код: 8944-1427
e-mail: aslan.abashidze@gmail.com

Маличенко Владислав Сергеевич – доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник отдела социального законодательства, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Российская Федерация, 117218, г. Москва, ул. Большая Черемушкинская, д. 34

ORCID: 0000-0003-3136-8054; SPIN-код: 4939-0747

e-mail: vlad.malichenko@gmail.com

About the authors:

Aslan Kh. Abashidze – Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Director of Law Institute, Head of the Department of International Law, Law Institute, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-0012-8795; SPIN-code: 8944-1427

e-mail: aslan.abashidze@gmail.com

Vladislav S. Malichenko – Doctor of Legal Sciences, Senior Researcher, Department of Social Legislation, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; 34 Bolshaya Cheremushkinskaya str., Moscow, 117218, Russia Federation

ORCID: 0000-0003-3136-8054; SPIN-code: 4939-0747

e-mail: vlad.malichenko@gmail.com